

МИТРОПОЛИИ ЯРОСЛАВИЧЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XI ВЕКА*

Одной из отличительных черт политического строя Руси после смерти киевского князя Ярослава Мудрого (1019–1054) было своеобразное соправление (за которым в историографии закрепилось не вполне удачное название «триумвират») его сыновей — Изяслава Киевского (1054–1078 г., с перерывами), Святослава Черниговского (1054–1073 г.; в 1073–1076 г. занимал киевский стол) и Всеволода Переяславского (1054–1077 г.; в 1077–1078 г. княжил в Чернигове, в течении нескольких месяцев в 1077 и в 1078–1093 г. — в Киеве). На этот период приходятся отрывочные известия о существовании на Руси, наряду с Киевской митрополией, учрежденной вскоре после крещения в конце X в., еще двух — в Чернигове и Переяславле Русском, т. е. в стольных городах «триумвиров».

В Сказании чудес святых мучеников Романа и Давида¹ (т. е. Бориса и Глеба), в рассказе о перенесении мощей князей-страстотерпцев в новую церковь в Вышгороде 20 мая 1072 г. («О пренесении святоу мученику»), присутствовавший при этом торжестве черниговский епископ Неофит титулуется митрополитом: «И съвъкупивъшеса вся братия: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, митрополитъ Георгийъ Кыевскый, другый — Неофитъ Чърниговскый, и епископи Петръ Переяславскый и Никита Бѣлогородскый и Михаилъ Гургевскый... и створиша праздникъ свѣтло», и т. д. Непосредственно далее о митрополитах снова говорится в двойственном числе: «И възьмше на рама (раку с телом Бориса. — А. Н.) князи, предъидущем преподѣбнымъ чърноризцем... и по сих митрополита и епискупи, и по них с ракою идяху»².

Имеются в древнерусских источниках и сведения о переяславском митрополите — Ефреме. В Житии преп. Феодосия Печерского, в котором отразился целый ряд фактов из жизни Ефрема, начиная от его пострижения в Киево-Печерском монастыре, сообщается и о его поставлении на митрополию: «По сих же (после ухода из монастыря преп. Никона. — А. Н.) паки Ефрема каженикъ *w*тиде въ Костантинъ градъ и тоу живѣше въ кдиномъ манастыри, послѣже же (так! — А. Н.) изведенъ бысть и в страну сию (на Русь. — А. Н.) и поставленъ бысть митрополитъ в городѣ

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Русь, Россия в межкультурном контексте»).

¹ Не в Житии преп. Феодосия Печерского! (см.: *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси, X–XIII вв. М., 1989. С. 58).

² Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Пригот. к печ. Д. И. Абрамович. Пг., 1916. С. 55–56. В огромном большинстве списков Повести временных лет и Новгородской I летописи младшего извода подробный рассказ о перенесении мощей 1072 г. представляет собой несколько отредактированный текст Сказания чудес. Редакторы (редактор?) исключили в частности и явно смущавшее их известие о втором митрополите: «...совокупившеса Ярославичи, Изяслав, Сѣтослав, Всеволодъ, митрополитъ же тогда бѣ Геурги, епѣтъ Петръ Переяславскый, Михаилъ Гургевскый... и створше праздникъ, праздноваша свѣтло» (ПСРЛ. Л., 1928. Т. I. Стб. 181 [так в Радзивиловском и Московско-Академическом списках; в Лаврентьевском Михаила Юрьевского нет]; ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 171; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ) / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 196–197). В Софийской I летописи и зависящих от нее (например, Воскресенской) упоминание о митрополите Неофите имеется (ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 197; ПСРЛ. СПб., 1856. Т. VII. С. 341). Судя по тому, что в Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописях заметка о совместной акции Ярославичей в 1072 г. явно возникла в результате радикального сокращения статьи Повести временных лет и сведений о митрополите Неофите не содержит (ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. С. 98; ПСРЛ. Пг., 1915. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. С. 132), пространное повествование в Софийской I происходит не из софийского-новгородского летописания, как иногда предполагают (*Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси, X–XIII вв. С. 58 и примеч. 193), а из какого-то другого источника. Напрашивается мысль, что этим источником была летопись типа Ипатьевской, которой, как известно, пользовался составитель Софийской I (см., например: *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 212–213), и что, следовательно, в первоначальном летописном тексте черниговский митрополит все-таки упоминался. Однако такое предположение приходится отвергнуть, поскольку при ближайшем рассмотрении оказывается, что рассказ Софийской I контаминирован на основе сообщения Повести временных лет и двух отрывков Сказания: после перечисления духовных лиц, принимавших участие в перенесении, и перед словами «и створиша праздникъ свѣтло» (в Софийской I «и створиша празднество свѣтло») следует неуместная вставка совсем из другого, хотя и сюжетно сходного, места Сказания — из рассказа об обретении мощей при Ярославе Мудром и митрополите Иоанне I («О изнесении святоу». См.: Жития святых

Переяславли»³. Это свидетельство подтверждается и Повестью временных лет, где в статье 6597 г. в Лаврентьевской и 6598 г. в Ипатьевской летописях⁴ читаем: «В се же лѣто сѣена бы ѿ цркви стаг Михаила Переяславскага Ефремом митрополитомъ тога цркви, юже бѣ создалъ велику сущю, бѣ бо преже в Переяславли митрополѣа»⁵.

Слова «бѣ бо преже в Переяславли митрополѣа» представляют собой глоссу, имеющуюся из всех сохранившихся списков Повести временных лет только в Лаврентьевском. Ее происхождение составляет источниковедческую загадку. А. Поппэ справедливо отметил противоречивость высказываний на этот счет А. А. Шахматова (который то признавал глоссу добавлением переяславского летописания⁶, то считал ее первоначальным чтением Повести временных лет⁷) и поддержал «переяславскую» версию⁸. Однако почему тогда этих слов нет в Радзивилловской и Московско-Академической летописях, которые в той же мере, как и Лаврентьевская, отражают южнорусское переяславское летописание XII в.? Трудно себе представить, чтобы замечание о Переяславской митрополии было опущено в ходе редактирования общего источника Радзивилловской и Московско-Академической, т. е. Владимиро-Суздальского свода начала XIII в., по южнорусской летописи типа Ипатьевской — хотя бы потому, что грамматически оно (замечание) явно носит вставной характер: выходило бы, что владимирский редактор аккуратно изъясил из своего текста все переяславские вставки. Вместе с тем глосса определенно не принадлежит составителю Лаврентьевской летописи, как предполагает Л. Мюллер⁹, поскольку такое же чтение было представлено и в Троицкой летописи¹⁰. Следовательно, автора глоссы надо искать среди составителей или редакторов какого-то общего источника Лаврентьевской и Троицкой, который в то же время не был источником для Радзивилловской и Академической. Такой источник логично усматривать в том ростовском владычном летописании, которое, войдя в соединение с владимирским, по наиболее вероятной гипотезе, около 1280 г.¹¹, и легло в основу свода 1305 г. — оригинала Лаврентьевской летописи, отразившегося также и в Троицкой. При ростовской кафедре естественно было помнить о существовавшей во второй половине XI столетия Переяславской митрополии и ее главе Ефреме — ведь в конце XI (может быть, еще при Ефреме¹²) и первой трети XII в. Ростовская земля входила в Переяславскую епархию.

мучеников Бориса и Глеба и службы им. С. 53–54); составитель даже сохранил имя Иоанна, не смущаясь тем, что выше митрополит именовался Георгием. Для нас в данном случае неважно, была ли контаминация предпринята самим составителем, или, что вероятнее, взята им из каких-то уже готовых материалов.

³ Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 86. Лев. стб. (Л. 35 б–35 г).

⁴ Т. е., вероятно, под 1090/91 мартовским годом, так как указание на начало статьи 6598 г. в Лаврентьевской пропущено, а краткое известие об освящении переяславской церкви в Новгородской I летописи читается именно под 6598 г. (НПЛ. С. 202).

⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 208; ПСРЛ. Т. II. Стб. 200. В Лаврентьевском списке при «цркви свягата Михаила» отсутствует определение «Переяславская», но его аутентичность достаточно удостоверена как солидарными чтениями Ипатьевского, Хлебниковского, Радзивилловского и Академического списков, так и тем фактом, что кафедральный собор Переяславской епархии действительно был посвящен св. архангелу Михаилу.

⁶ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. I. Вводная часть, текст и примечания. С. 264 (у А. Поппэ ошибочно указана с. 204). Примеч. к стрк. 15.

⁷ Шахматов А. А. Обзорные русских летописных сводов XIV–XVI вв. С. 28–29; правда, специфическое чтение «бѣ бо преже в Переяславли митрополѣа» в числе первоначальных, по А. А. Шахматову, чтений Лаврентьевской летописи здесь прямо не названо, зато к таковым отнесены совершенно аналогичные касающиеся митрополита Ефрема отличия Лаврентьевской в той же статье 6597 (1089/90) г. «бѣ скопецъ высок телом» и «и град бѣ заложил камен от цркви свягата мученика Феодора», которые в издании Повести временных лет А. А. Шахматов также признавал дополнениями из летописи Переяславля Русского (Шахматов А. А. Повесть временных лет. С. 264. Примеч. к стрк. 17; С. 265. Примеч. к стрк. 3).

⁸ Поппэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в. // Византийский временник (далее — ВВ). М., 1968. Т. 28. С. 105.

⁹ Die Nestorchronik / Ins Deutsche übers. von L. Müller. München, 2001 (Handbuch zur Nestorchronik / Hg. von L. Müller. Bd. 4; Forum Slavicum. Bd. 56). S. 248. Anm. 3.

¹⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 1. Примечания к Т. II. Стб. 65. Примеч. 160; Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. Л., 1956. С. 166. Примеч. 3.

¹¹ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969. С. 192–197.

¹² Открытие (или возобновление) Ростовской епископии в 70-е годы XI века при епископе свт. Леонтии было, по всей вероятности, связано с передачей Ростовской земли (либо ее части) из-под власти переяславского князя Всеволода под власть

Историками Руси и Русской церкви приведенные сведения о митрополиях вне Киева, разумеется, были замечены. До некоторых пор господствовало мнение, что в Переяславле находилась первоначальная резиденция общерусских митрополитов, пока при Ярославе Мудром, около 1037 г., она не была якобы перенесена в Киев. К такому заключению в свое время, в первой половине XVI в., пришел еще составитель Никоновской летописи, комментируя летописное «бѣ бо преже в Переяславли митрополюа»: «Священна бысть церкви святаго архангела Михаила Ефрѣмомъ митрополитомъ Киевскимъ и всеа Руси, юже бѣ самъ создалъ, велику сущу, бѣ бо преже Переяславль митрополюа, и живяху множае тамо митрополити киевстии и всеа Руси, и епископы поставляху тамо»¹³. Это мнение было поддержано авторитетом известных историков церкви митрополита Макария (Булгакова) и Е. Е. Голубинского¹⁴, приобрета в результате широкое хождение. Его подтверждение готовы были усматривать в заглавии одного из написанных по-гречески антилатинских трактатов, автора которого довольно обширная рукописная традиция, пусть и не единодушно, именует «боголюбивейшим Леон(т)ом, митрополитом Переяславля Русского» (Του θεφιλεσταντου Λεοντος μητροπολιτου της εν Ρωσια Πρεσθλαβας); из известных 14 списков такой титул имеется в пяти, в остальных же Леон(т) титулован предстоятелем Руси вообще, без указания конкретной кафедры¹⁵. Этого митрополита Леон(т)а отождествляли с гипотетическим то ли первым, то ли вторым русским митрополитом Леон(т)ом или Леонтием¹⁶, упоминаемым в ряде источников не ранее XV в., а именно: в некоторых редакциях

князя киевского Святослава (Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. 1: Том I—II. С. 670—671. Примеч. 29; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 64—65). Эта ситуация сохранилась и в период третьего киевского княжения Изяслава, в 1077—1078 г., так как преемник Леонтия, свт. Исая, был поставлен на кафедру из игуменов Изяслава фамильного монастыря св. Дмитрия (Успенский сборник XII—XIII вв. С. 95. Прав. стб.). Очевидно, со смертью Исая (после 1089 г., когда он в последний раз упоминается летописью: ПСРЛ. Т. II. Стб. 199) Ростовская епархия оказалась временно упразднена, а ее территория снова вошла в Переяславскую митрополию; см.: Poppe A. Państwo i kościoł na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968 (Rozprawy Uniwersytetu Warszawskiego — Dissertationes Universitatis Varsoviensis. [T.] 26). S. 179—183; Poppe A. L'organisation diocésaine de la Russie aux XIe—XIIe siècles // Byzantion. Bruxelles (далее — Byz). 1971. T. 40 (1070/71). P. 193—197 (= Poppe A. The Rise of Christian Russia. London, 1982. N VIII); Poppe A. Werdegang der Diözesanstruktur der Kiever Metropolitankirche in den ersten drei Jahrhunderten der Christianisierung der Ostslaven // Tausend Jahre Christentum in Russland: Zum Millennium der Taufe der Kiever Rus' / Hg. K. Ch. Felmy, G. Kretschmar, F. von Lilienfeld und C.-J. Roepke. Göttingen, 1988. S. 264—266. Начальная история Ростовской епархии требует дополнительного исследования.

¹³ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX. С. 116.

¹⁴ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 30 (комментированное воспроизведение 2-го издания 1868 г.); Голубинский Е. Е. История Русской церкви. М., 1901. Т. 1/1. С. 328—329.

¹⁵ Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 115—132; Памятники древнерусского канонического права (далее — ПДРКП). Пг., 1920. Ч. 2. Вып. 1 / Под ред. В. Н. Бенешевича (РИБ. Т. 36). С. 73—101.

¹⁶ Кроме митр. Макария и Е. Е. Голубинского, такой атрибуции придерживался целый ряд исследователей (см., например: Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.): Корректированное издание. СПб., 1906. С. 43—47; Мошин В. Послание русского митрополита Леона об опресноках в Охридской рукописи // Вуз. 1963. Т. 24. P. 87—105), среди которых были и специально занимавшиеся греко-латинской полемикой (Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875. С. 1—46; Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. С. 26—39). Между тем именно анахроничность трактата Леон(т)а, если датировать его рубежом X—XI в., с точки зрения развития греческой полемической литературы против латинян явилась главным аргументом противников «русской» гипотезы, которые были склонны видеть в Леон(т)е митрополита Преславы в Болгарии, резонно отодвигая датировку трактата на вторую половину XI — начало XII столетия: Чельцов М. Полемика между греками и латинянами по вопросу об опресноках в XI—XII вв. СПб., 1879. С. 50—57; Leib B. Deux inédits traités Byzantins sur les azymes au début du XII siècle. Paris, 1924. P. 149; Leib B. Rome, Kiev et Byzance a la fin du XIe siècle. Paris, 1924. P. 34. Not. 2; Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1977. 2. Aufl. (Byzantinisches Handbuch im Rahmen des Handbuchs der Altertumswissenschaft. 2. Teil. Bd. 1). S. 608—609. После введения в науку данных о Переяславской митрополии на Руси во второй половине XI в. эту атрибуцию следует считать окончательно преодоленной; см. подробно: Poppe A. Le traité des azymes Λεοντος μητροπολιτου της εν Ρωσια Πρεσθλαβας: Quand, où et par qui a-t-il été écrit? // Byz. 1965. T. 35. P. 504—527 (= Poppe A. The Rise of Christian Russia. № VII), а также емкий, хотя и не лишенный неточностей обзор: Бибиков М. В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. [Ч.] I. С. 327—331.

Церковного устава князя Владимира¹⁷, в перечне «А се Русьстии митрополити» в приложениях к Комиссионному списку Новгородской I летописи¹⁸ и в позднем летописании¹⁹.

Эту гипотезу никак нельзя признать убедительной. Сразу было замечено, что антилатинская полемика — в том виде, как она присутствует в трактате Леон(т)а Переяславского — для начала XI в. анахронична, но зато хорошо вписывается в контекст соответствующей литературы, обильно представленной после 1054 г.²⁰ Далее, в таком случае приходилось прибегать к неловкому допущению, что титул митрополита применительно к Ефрему — всего лишь вольная реминисценция давно минувшего положения дел, которой в действительности 80-х годов XI века ничего не соответствовало²¹. Наконец, — что еще важнее, — необъясненным оставался митрополичий титул Неофита Черниговского²².

Уже по одной этой же причине приходится отвергнуть также и гипотезу М. Д. Приселкова, будто Переяславская митрополия была учреждена по инициативе византийской стороны при императоре Михаиле VII Дуке (1071–1078) с целью укрепить связи со Всеволодом Ярославичем после того, как Святослав Ярославич, став в 1073 г. киевским князем, оказался, по предположению исследователя, в конфликте с Константинополем²³. Пользуясь Сказанием чудес свв. Романа и Давида по изданию Сильвестровского списка И. И. Срезневским 1860 г., а не по изданию Успенского сборника А. А. Шахматовым и П. А. Лавровым 1899 г., М. Д. Приселков в своей книге 1913 г., как и его предшественники, не смог учесть того многозначительного факта, что новая митрополия была открыта не только в Переяславе, но и в Чернигове. Это радикально обесценивает «переяславскую гипотезу» известного историка и избавляет от необходимости критически вникать в ее детали. Четверть века спустя М. Д. Приселков вернулся к вопросу о митрополиях на Руси при Ярославичах, но уже с учетом данных о черниговском митрополите Неофите, высказав вскользь плодотворную мысль, что создание двух новых митрополий произошло в связи с установлением на Руси специфического троевластия Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей, которое исследователь почему-то относил к 1059 г.²⁴

Не зная работы М. Д. Приселкова 1939 г., на известие о черниговском митрополите Неофите самостоятельно обратил внимание Л. Мюллер, критикуя гипотезу о Переяславе как первоначальной резиденции русских митрополитов. Напомнив принципиальный для византийской церковной организации 17-й канон Халкидонского собора, согласно которому церковно-административная структура должна соответствовать государственно-административной²⁵, немецкий русист высказал осторожное предположение, что Черниговская митрополия могла возникнуть с установлением политической самостоятельности Чернигова уже при Мстиславе Владимировиче (1024–1036), тогда как Переяславская — не ранее 1054 г.; после того как Всеволод Ярославич стал в 1078 г. князем киевским, мотив для существования митрополий вне Киева был утрачен, и со смертью соответствующих иерархов

¹⁷ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 17, 22, 30 и др.

¹⁸ НПЛ. С. 473; любопытно, что в аналогичном перечне внутри самого Комиссионного списка череда митрополитов открывается Феопемптом (Там же. С. 163).

¹⁹ Например, в Никоновской летописи: ПСРЛ. Т. IX. С. 64–65, 68–69.

²⁰ См. примеч. 16.

²¹ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. С. 133; Голубинский Е. Е. История Русской церкви. С. 339. Примеч. 2. С. 685–686.

²² Правда, справедливости ради надо заметить, что ни митр. Макарию, ни Е. Е. Голубинскому не был известен сам факт существования митрополии в Чернигове при Неофите. В рукописях и изданиях Сказания чудес свв. Романа и Давида, которыми пользовались эти историки, упомянутая *lectio difficilior* «митрополита» (в двойственном числе) отсутствует, а без этой выразительной детали слова «митрополит Георгий Киевский, другой — Неофит Черниговский, и епископы...» могут быть восприняты просто как неудачно построенная или текстологически дефектная фраза.

²³ Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 76–80. § 40а–416 (первое издание книги вышло в 1913 г.).

²⁴ Приселков М. Д. Русско-византийские отношения в IX–XII вв. // Вестник древней истории. М., 1939. № 3. С. 104.

²⁵ Цитируем по принятому в современной Русской церкви переводу: «...Но аще царскою властью вновь устроен или впредь устроен будет град, то распределение церковных приходов да последует гражданскому и земскому порядку» (Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец. М., 1893. С. 59).

прекратилось существование самих митрополий²⁶. Как видим, логика рассуждений Л. Мюллера близка к логике М. Д. Приселкова, хотя в конкретных деталях гипотезы обоих ученых отличаются.

На рубеже 60—70-х годов прошлого столетия вопрос был тщательно изучен А. Поппэ²⁷. Польский историк указал на новый важный источник — перечень митрополий Константинопольского патриархата, дошедший в рукописи XII в. *cod. Coislilianus 211* из Парижской национальной библиотеки, в котором на обычном 60-м месте значится митрополия «Росии» (Ρωσσίας), т. е. Киевская, а на 72-м — митрополия «Маврокастра, или Новой Росии» («Μαυροκαστροῦ ἢ τοῦ νεῆας Ρωσσίας»)²⁸. А. Поппэ совершенно справедливо отклонил выдвинутое в историографии толкование этого «Маврокастра» как известного по источникам XIV—XV в. города Маукастро (Мокастро) в устье Днестра²⁹ и отождествил его с Черниговом (греч. *Μαυροκαστρον* в буквальном переводе означает «Черный город»). Сопоставив эти данные с приведенными выше известными сведениями о Переяславской митрополии, исследователь пришел к заключению, аналогичному гипотезе М. Д. Приселкова (работы которого 1939 г. А. Поппэ, очевидно, не знал), а именно: новые митрополии были открыты в соответствии с «триумвиратом» Ярославичей в стольных городах Святослава и Всеволода Ярославичей, видимо, вскоре после 1060 г. (ниже о датировке речь пойдет подробнее). Спрашивается, однако, почему же, в таком случае, список митрополий в *Coislin. 211* упоминает только Черниговскую митрополию, а о Переяславской умалчивает? Единственное объяснение, которое смог предложить А. Поппэ столь кричащему факту, — это указать на лакуны, свойственные византийским спискам епископий и в других случаях: «Отсутствие Переяславля в *notitiae episcopatuum* ни о чем не свидетельствует. Известны случаи, когда епархии, особенно существовавшие короткое время, не попадали в списки»³⁰. Даже если бы исследователь привел примеры таких умолчаний (чего он, впрочем, не делает), то и это вряд ли бы что-либо объяснило — ведь Переяславская митрополия просуществовала, согласно его собственной гипотезе, лет на десять-пятнадцать дольше Черниговской.

В 1981 г. французский византист Ж. Даррузес опубликовал корпус всех выявленных к тому времени перечней епархий Константинопольской патриархии, а среди них — несколько относящихся к XI—XII в., в которых значится также и Переяславская митрополия («ἡ Ρωσία Πρεσθλαβα» и т. п.)³¹ и которые были неизвестны А. Поппэ. В результате недоумения относительно молчания перечня митрополий в *Coislin. 211* о Переяславской митрополии только усугубились, так как обнаружилось симметричное умолчание: ни в одном из списков, включающих Переяславскую митрополию, не отмечена Черниговская (как выяснилось, *Coislin. 211* — единственный список, который упоминает последнюю).

На таком крайне неудобном для гипотезы А. Поппэ обстоятельстве заострил внимание Я. Н. Цапов, который предпочел поэтому датировать учреждение митрополии в Переяславле временем не ранее 1072 г., так как в цитированном выше сообщении о перенесении мощей свв. Бориса и Глеба

²⁶ Müller L. Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln-Braunsfeld, 1959 (Osteuropa und der deutsche Osten. Beiträge aus Forschungsarbeiten und Vorträgen der Hochschulen des Landes Nordrhein-Westfalen. Reihe III. Westfälische Wilhelms-Universität zu Münster. Buch 6). S. 22—26.

²⁷ Poppe A. Uwagi o najstarszych dziejach kościoła na Rusi, cz. 2—3 // Przegląd Historyczny — Revue Historique. Warszawa, 1964. T. 55. Zesz. 4. S. 557—572; 1965. T. 56. Zesz. 4. S. 557—569; Poppe A. Le traité des azymes Λεωυτος μητροπολιτου της εν Ρωσια Πρεσθλαβας: Quand, où et par qui a-t-il été écrit?; Понпэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в. // ВВ. 1968. Т. 28. С. 97—108; Там же. 1969. Т. 29. С. 95—104; Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. S. 166—170; Poppe A. L'organisation diocésaine de la Russie aux XIe—XIIe siècles. P. 180—184; Poppe A. Werdegang der Diözesanstruktur der Kiever Metropolitankirche in den ersten drei Jahrhunderten der Christianisierung der Ostslaven. S. 260—263.

²⁸ Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae / Texte crit., introd. et notes par J. Darrouzès. Paris, 1981 (Géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. T. I). P. 344. Lin. 74. Прав. стб.

²⁹ Honigmann E. Studies in Slavic Church History // Byz. 1944. T. XVII (1944/45) (American ser. T. III). P. 158—162; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 307—309; Soloviev A. Le nom byzantin de la Russie // Musagetes. Mouton; La Haye, 1957. T. III. P. 14 (= Soloviev A. Byzance et la formation de l'Etat russe: Recueil d'études. London, 1979. № XI).

³⁰ Понпэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в. Т. 28. С. 104. Примеч. 74; Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. S. 168. Poppe A. L'organisation diocésaine de la Russie aux XIe—XIIe siècles. P. 181.

³¹ Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 344. Лев. стб. № 81; P. 350. Лев. стб. № 78; P. 382. Лев. стб. № 78.

Петр Переяславский, в отличие от Неофита Черниговского, титулуется епископом. Что касается митрополичьей кафедры в Чернигове, то историк считает наиболее предпочтительной точку зрения М. Д. Приселкова и А. Поппэ об ее открытии после 1054 г. (не уточняя, когда именно между 1054 и 1072 г. это могло случиться), хотя, как и Л. Мюллер, допускает возможность более ранней датировки — временем Мстислава Владимировича. В то же время на естественно возникающие вопросы, почему же Переяславская митрополия появилась позже Черниговской, почему столь различны «археографические судьбы» упоминаний о Черниговской и Переяславской митрополиях в византийских списках епископий, Я. Н. Щапов никак не отвечает, ограничиваясь констатацией «загадочности» этих фактов³². Уточним: загадочности для тех исследователей, которые связывают возникновение новых русских митрополий с «триумвиратом» Ярославичей.

Именно от этого тезиса и призвал отказаться Д. Г. Хрусталева — последний, кто обращался к занимающей нас теме, — справедливо полагая, что одновременность учреждения митрополий в Чернигове и Переяславле, на которую, по его мнению, со всей определенностью указывают источники, трудно совместить с симметричностью междукняжеских отношений внутри «триумвирата». Исходя из наблюдений А. Поппэ и Я. Н. Щапова, но самостоятельно к тексту *notitiae episcopatum* не обращаясь, автор высказал оригинальное суждение, что митрополия в Переяславле возникла в период киевского княжения Святослава Ярославича (1073—1076) — быть может, в результате переноса ее из Чернигова — для установления «паритета сил между двумя Ярославичами» в деле «церковно-политического управления на Руси» и для того, чтобы Всеволод Ярославич приобрел «непосредственный канал связи с Византией»³³. При этом, однако, оставлен без ответа неизбежно встающий вопрос, когда и какой «паритет сил» между Изяславом Киевским и Святославом Черниговским потребовал открыть митрополию в Чернигове? Если исходить (как это делает вслед за всеми своими предшественниками и Д. Г. Хрусталева) из здоровой предпосылки, что преобразования в церковной организации Руси должны были отражать соответствующие перемены в ее политической структуре, то в связи с чем в некий момент до 1072 г. Святослав Черниговский мог получить «собственную» митрополию, в то время как Всеволод Переяславский оказался такой привилегией обойден? Без основательного ответа на этот вопрос предположение Д. Г. Хрусталева не может претендовать на убедительность.

Таким образом, асинхронность свидетельств о Черниговской и Переяславской митрополиях продолжает оставаться непроясненной. Проблема, которая, казалось, была удачно разрешена работами А. Поппэ, встала снова. Необходимо либо доказательно возвести эту асинхронность *свидетельств* к асинхронности *существования* самих митрополий (что пытался сделать Д. Г. Хрусталева, но, на наш взгляд, неудачно), либо разъяснить источниковедчески, как могли возникнуть такие взаимно не коррелирующие свидетельства.

В итоговой обзорной работе 1988 г. А. Поппэ посвятил этой стороне дела одно из примечаний³⁴, высказав следующие предположения: во-первых, те перечни митрополий, в которых значится Переяславская митрополия, но нет Черниговской, были созданы после упразднения последней, т. е. после смерти Неофита около 1085 г.; перечень же в *Coislin. 211* (и это — во-вторых) относится к тому моменту около 1072 г., когда в череде переяславских митрополитов от Леон(т)а до Ефрема оказался разрыв и переяславскую кафедру возглавлял обычный епископ — Петр³⁵.

³² Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси, X—XIII вв. С. 60—61.

³³ Хрусталева Д. Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002. С. 33—39.

³⁴ Poppe A. Werdegang der Diözesanstruktur der Kiever Metropolitankirche in den ersten drei Jahrhunderten der Christianisierung der Ostslaven. S. 263—264. Anm. 30.

³⁵ Д. Г. Хрусталева попытался как минимум релятивировать любой аргумент, опирающийся на епископский титул Петра, не без остроумия заметив, что такой аргумент «предполагает абсолютно синхронную запись событий 20 мая 1072 г. в летопись, а это доказать сложно» (Хрусталева Д. Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. С. 37. Примеч. а). Отчего же? Текстологи положили немало труда, чтобы датировать — нет, не летопись (в летописи, как уже говорилось, рассказ о перенесении мощей в 1072 г. носит вторичный характер), а Сказание о чудесах свв. Романа и Давида в целом и отдельные его эпизоды — в частности, ибо материал дает определенные основания для выводов такого рода. При этом некоторые приходили к заключению,

Если с первым предположением позволительно согласиться³⁶, то со вторым — вряд ли. Конечно, можно было бы найти достаточно убедительное объяснение тому, почему Петру было отказано в титуле, который носили его предшественник и преемник, чего сам А. Поппэ, правда, не делает (см. об этом ниже). Но главная трудность заключается в другом. Редакция перечня митрополий, постулируемая польским историком, должна была бы заканчиваться примерно на Дристре, коль скоро последняя упомянута в качестве митрополии в 1071 г.³⁷ Однако никаких следов такой редакции рукописная традиция не сохранила; все списки, в том числе и якобы созданный, по А. Поппэ, около 1072 г. оригинал Куаленова списка, доведены до Атталии, учрежденной в 1083/84 г.³⁸, что соответствующим образом отодвигает *terminus post quem*. В более ранних работах А. Поппэ допускал, что перенесение мощей 20 мая 1072 г. состоялось в тот момент, когда Петр уже был поставлен на переяславскую кафедру, но его возведение в ранг митрополита еще не было утверждено в патриархии³⁹. Разумеется, на Руси пауза между отправкой ходатайства в Константинополь и получением санкции могла оказаться достаточно продолжительной, но не в Константинополе — между получением ходатайства и его рассмотрением. Поэтому полагаться на то, что именно в течение такой паузы в патриаршей канцелярии составили новую редакцию перечня митрополий, было бы рискованно, не говоря уже о том, что усматривать следы такой редакции именно в *Coislin. 211*, как только что было сказано, вряд ли придется.

Обратимся теперь непосредственно к анализу соответствующих записей в *notitiae episcopatuuum* и рассмотрим сначала упоминания о Переяславской митрополии. Они содержатся в трех перечнях митрополий Константинопольской патриархии — в *notitiae 11, 12 и 15*, по классификации Ж. Даррузеса.

Not. 11 представлена в издании Ж. Даррузеса 14 списками, среди которых и уже упоминавшийся *Coislin. 211*. В 11 списках между № 70—76, т. е. Василеем, Дристрой, Низианзом, Керкирой, Авидо(со)м, Мифимной, Христиануполем («то Βασιλειον, η Δριστρα, η Ναζιανζος, τα Κερκυρα, η Αβυδος, η Μηθυμνα, η Χριστιανουπολις»), с одной стороны, и № 78—80, а именно Лакедемонией, Наксией, Атталией — с другой («η Λακεδαίμωνια, η Νάξια, η Ατταλεία»), под № 77 значится «то Ρουσιον η Прεσθλαβα» («Русий Престлава»)⁴⁰.

В связи с этой записью вызывают недоумение два обстоятельства. Почему «Престлава»-Переяславль объединен под одним номером (!) с Русием — городом в Родопах на *Via Egnatia*? Такое объединение противоречит самому принципу перечня, нигде более в нем не повторяется и наводит на

что часть Сказания, завершающаяся рассказом о перенесении мощей в 1072 г., была написана около 1073 г., в начале киевского княжения Святослава Ярославича (эта точка зрения представлена и в справочной литературе: Дмитриев Л. А. Сказание о Борисе и Глебе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 403; Клосс Б. М. «Анонимное сказание» о князьях Борисе и Глебе // Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи, повести, хождения, поучения, жития, послания. Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я. Н. Ццапова. СПб., 2003. С. 197; Назаренко А. В. Борис и Глеб // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. VI. С. 45. Прав. стб.). Не говорим уже о том общем соображении, что определенно датированные записи о чудесах от мощей святых в местах их почитания сплошь и рядом делались как раз непосредственно по следам событий, поскольку бывали востребованы при процедуре канонизации.

³⁶ Действительно, преемник Неофита черниговский епископ Иоанн умер 23 ноября 1111 г. (НПЛ. С. 20; ПСРЛ. Т. II. Стб. 273; датировка 6620 г. в списках группы Лаврентьевского (ПСРЛ. Т. I. Стб. 289) — ультрамартовская: Березков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 44—45), после того как «лежа в болести лѣтъ 25» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 274; см. хронологические наблюдения: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 542—547). В отношении свидетельства Ипатьевской летописи о 25-летней «болести» епископа Иоанна высказывались сомнения ввиду его участия в перенесении мощей преп. Феодосия Печерского в Успенский собор в 1091 г. (ПСРЛ. Т. I. Стб. 211; Т. II. Стб. 202); предлагалось даже вместо «25 лет» читать «20» (Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. С. 163. Примеч. 4; Поппэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в. Т. 28. С. 104). Есть ли нужда понимать слова летописца так буквально: что епископ слег и не поднимался с одра в течение 25 лет? Очевидно, в начальный период болезни могли быть периоды релаксации.

³⁷ Les registes des actes du Patriarcat du Constantinople. Paris, 1989. Vol. 1. Fasc. 2—3: Les registes de 715 à 1206 / Par V. Grumel, 2e éd. par J. Darrouzès. № 900.

³⁸ Ibid. N 930.

³⁹ Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. S. 168; Poppe A. L'organisation diocésaine de la Russie aux XIe—XIIIe siècles. P. 181.

⁴⁰ Notitiae episcopatuuum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 344. Lin. 80—81.

подозрение, что в данном случае имела место какая-то чисто текстологическая контаминация. Это подозрение усилится, если принять во внимание, что в пяти из названных 11 списков Русий поименован не только в перечне митрополий, но и в перечне архиепископий⁴¹. В принципе такие несоответствия не удивительны ввиду компилятивного характера памятника, но тем не менее, применительно к конкретной дате его (памятника) создания, где-то Русий стоит определенно не на месте. Где именно?

На этот вопрос ответить нетрудно. Дело в том, что в отношении митрополий Лакедемонии, Наксии и Атталии, замыкающих перечень, известны точные даты их учреждения в начале правления Алексея I Комнина (1081—1118): Лакедемонии — в 1082, Паронаксии (в результате слияния Пароса и Наксоса) — в 1083, Атталии — в 1083/84 г.⁴² Между тем в 1082 и даже 1086 г. Русий определенно был еще архиепископией⁴³ и, следовательно, располагаться в списке митрополий, упорядоченном по хронологическому принципу, на 77-й позиции перед Лакедемонией никак не должен. Каким же образом могла возникнуть такая ошибочная запись?

Упомянутые 11 списков *not. 11*, по текстологическим наблюдениям Ж. Даррузеса, представляют собой «явно позднейшую традицию», которая не отражает никакой конкретной исторической ситуации, а возникла в результате чисто текстологической работы, восходя к «нормализованному архетипу, относящемуся, видимо, к XII столетию»⁴⁴. Следствием такой «нормализации» стало, в частности, устранение Русия из перечня архиепископий в 9 из 14 списков *not. 11*, использованных в издании Ж. Даррузеса; компромиссный вариант подобного редактирования сохранился в *cod. Vaticanus 840* (XIV в.), где упоминание о Русии как архиепископии на 15-й позиции сохранено, но снабжено пометой «ныне — митрополия» («νῦν μὴτροπολις») ⁴⁵. Упомянутая «нормализация» затемнила исходное чтение, которое, однако, еще проступает в менее «нормализованных» *not. 12* и *15*, также относящихся к XII в.: перечень митрополий доведен в них до Аргоса, что позволяет датировать их временем Исаака II Ангела (1185—1195)⁴⁶. *Not. 12* издана Ж. Даррузесом по 15 рукописям, в двух из которых так или иначе значится Переяславль. В *cod. Reginensis 57* (1359 г.) из Ватиканской библиотеки находим под № 77 (т. е. в том же окружении, что и в *not. 11*) «ἡ Ρωσίου ἡ Πρισθλαβα» («Россия Пристлава») ⁴⁷. Это отчетливое чтение помогает понять, что стояло в оригинале *cod. Ottobonianus 408* XV в. из Ватиканской же библиотеки, так как в самом *Ottob. 408* читается неудобопонятное «ἡ Ρωσπεσθλαβα»⁴⁸. Среди 16 списков, по которым Ж. Даррузес издал *not. 15*, Переяславль есть только в том же *Regin. 57*, в котором имеется и *not. 12*, следующая здесь непосредственно за *not. 15*: «ἡ Ρωσία Πρεσθλαβα» («Россия Престлава»); запись помещена на 77-й позиции, как и в двух предыдущих перечнях, между Христиануполем и Лакедемонией⁴⁹. Как видим, здесь никакой коллизии между Русием и Переяславлем под одним и тем же номером нет, а есть просто не совсем удачное выражение (смысл которого можно было бы передать переводом-толкованием «Россия Переяславская»), явно служащее для отличия этой «России» под № 77 от другой, обычной, упомянутой выше на

⁴¹ Ibid. P. 345. Lin. 100 и nota ad lin. 100).

⁴² Ibid. P. 123 и not. 2; Les registes des actes du Patriarcat du Constantinople. № 928—930, 938, 1086.

⁴³ Les registes des actes du Patriarcat du Constantinople. № 926, 942. Ж. Даррузес пишет об упоминаниях архиепископов Русия среди участников синодальных заседаний в 1088 и 1094 г. (Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 123 и not. 3), но это, очевидно, недоразумение, как видно из его же сводной таблицы (ibid. P. 126), где Русий значится только под 1082 и 1086 г., а колонка 1088 г. вообще отсутствует.

⁴⁴ Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 119—120.

⁴⁵ Ibid. P. 345. Nota ad lin. 100.

⁴⁶ Ibid. P. 134—135, 171.

⁴⁷ Из примечаний к общему списку рукописей в издании Ж. Даррузеса можно понять, что перечень, тождественный *not. 12* по *Regin. 57* содержится также в *Vaticanus 2224* XIV в. (Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 444. № 262), хотя в списке использованных при издании последний не числится, равно как и среди тех рукописей, которые по тем или иным причинам не были учтены издателем в текстологическом аппарате.

⁴⁸ Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 350. Nota ad lin. 78.

⁴⁹ Ibid. P. 382. Lin. 78.

положенном ей 60-м месте⁵⁰. Русий же в *Regin.* 57 в обеих notiциях, как в 12-й, так и в 15-й, помещен ниже, между митрополиями в Месемврии и Милете⁵¹ (не беремся с ответственностью сказать, отражает ли такое положение в перечне реальную хронологию повышения ранга кафедры, но формально оно указывает на эпоху Мануила I, т. е. на середину — третью четверть XII в.⁵²). В большинстве прочих списков *not.* 12 и 15 застаем на 77-й позиции еще более «нормализованное», чем в рассмотренных выше списках *not.* 11, чтение, в котором Переяславль вообще опущен: Ρουσιου (*nomin.*) или Ρουσιου (*genet.*)⁵³, хотя в некоторых видим Ρωσιου, Ρωσιου и даже Ρωσια⁵⁴, в чем трудно не видеть рефлекс первоначального «η Ρωσια Πρεσθλαβα» или подобного.

Эти в общем-то несложные текстологические наблюдения с достаточной очевидностью, на наш взгляд, показывают, что Русий помещался во многих списках митрополий на 77-м месте ошибочно — вследствие затруднений, которые испытывали редакторы, сталкиваясь в своих материалах с записью о митрополии «η Ρωσια Πρεσθλαβα» в те поздние времена XII в., когда память об эфемерной Переяславской митрополии уже совершенно изгладилась из памяти. Некоторые достаточно древние рукописи донесли до нас и конкретные контаминированные формы. В *cod. Atheniensis B. N. 1429* (XII—XIII в.) находим под № 77 запись «Πρεσκλαβα ητοι Ρωσια και ο Ρουσιου» («Пресклава, или Росия, то есть Русий»). Как можно думать, исходя из специфической близости *Athen. 1429* и *cod. Vaticanus 829* (XIII—XIV в.)⁵⁵, в последнем содержится стяженный вариант этой же записи — «Πρεσκλαβα ητοι Ρωσου» («Пресклава, или [митрополия города] Росия»)⁵⁶, возникший, очевидно, вследствие гаплографии: в протографе или оригинале читалось, надо думать, «Πρεσκλαβα ητοι Ρωσαις και ο Ρωσιου». Этот глоссированный вариант, в котором Русий («και ο Ρωσιου», «και ο Ρωσιου») явно использован в качестве посылного разъяснения для стоящей не на месте непонятной «Росии», довольно наглядно демонстрирует, каким образом на 77-й позиции складывалась двойная запись, контаминирующая упоминания о Переяславле и Русии.

Таким образом, заключения относительно времени внесения записи о Переяславской митрополии в перечень, которые делаются на основании расположения записи о ней между записями о Русии и Лакедемонии, представляются нам неверными. Так, А. Поппэ пишет о времени около 1080 г. (не приводя конкретных аргументов)⁵⁷, а Я. Н. Ццапов — о периоде между 1068 и 1082 г., поскольку датировка установления митрополии в Лакедемонии относится, как уже указывалось, к 1081/82 г., а в Русии — колеблется якобы между 1068 и 1082 г.⁵⁸ Но эти данные о Русии заимствованы из компендиума Х.-Г. Бека⁵⁹, который, в свою очередь, источника этих сведений не раскрывает, хотя ясно, что они так или иначе восходят к изданиям перечней митрополий, предшествовавших изданию Ж. Даррузеса, — прежде всего Г. Партая и Х. Гельцера⁶⁰. Однако в этих изданиях еще не были

⁵⁰ Ibid. P. 349. Lin. 60; 381. Lin. 60.

⁵¹ Ibid. P. 350. Lin. 83; P. 382. Lin. 83.

⁵² Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. S. 171, 175.

⁵³ Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 350. Lin. 77; 382. Lin. 77.

⁵⁴ Ibid. P. 350. Nota ad lin. 77; 382. Lin. 77. Прав. кол. и nota ad lin. 77.

⁵⁵ Ibid. P. 120.

⁵⁶ Ibid. P. 344. Nota ad lin. 80—81.

⁵⁷ Поппэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в. Т. 28. С. 98; Poppe A. Werdegang der Diözesanstruktur der Kiever Metropolitankirche in den ersten drei Jahrhunderten der Christianisierung der Ostslaven. S. 263. Anm. 30.

⁵⁸ Ццапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси, X—XIII вв. С. 58—59.

⁵⁹ Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. S. 174.

⁶⁰ Parthey G. Hieroclis Synecdemus et notitiae graecae episcopatum, accedit Nili Doxapatrui notitia patriarchatum et locorum nomina immutata. Lipsiae, 1866; Gelzer H. Analecta Byzantina, I: Ordo ecclesiasticus ab Isaacio Angelo imperatore constitutus // Index scholarum hibernarum. Jena, 1891—1892. P. 3—14; Gelzer H. Ungedruckte und wenig bekannte Bistümerverzeichnisse der orientalischen Kirche // Byzantinische Zeitschrift. München. 1892. Bd. 1. S. 245—282; Gelzer H. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum. Ein Beitrag zur byzantinischen Kirchen- und Verwaltungsgeschichte // Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften. München, 1900. Jg. 21. S. 529—641.

учтены списки, упоминающие Переяславскую митрополию, и потому не было возможности удовлетворительно разрешить противоречия между перечнями митрополий, в которых Русий помещался в окружении Христиануполя и Лакедемонии, и сведениями 80-х годов XI века о Руси как архиепископии.

Итак, мы приходим к принципиально важному для исследуемой проблемы выводу: если в *Coislin. 211* после Христиануполя стоит Русий, то это значит, что в оригинале перечня, единственного в своем роде вследствие упоминания в нем «Маврокастра»-Чернигова, на месте Русия читалось «Πρεσβλαβης ητοι Ρωσιας» (перечисление в *Coislin. 211* выдержано в генетиве) или подобное. Иными словами, у нас есть перечни митрополий, упоминающие Переяславль без Чернигова, но (если верны наши наблюдения) нет перечней, упоминающих Чернигов без Переяславля. Тем самым устранено одно из главных препятствий, стоящих на пути предположения об одновременности учреждения митрополий в Чернигове и Переяславле.

Этот результат позволяет по-новому взглянуть на уже обсуждавшееся нами объяснение епископского титула Петра Переяславского в 1072 г., которое предложил первоначально А. Поппэ. Теперь нет нужды датировать 1072 г. оригинал перечня в *Coislin. 211*, а можно просто принять к сведению указанные выше данные о времени учреждения трех последних митрополий, упоминаемых в списке (от Лакедемонии до Атталии): 1081–1083/84 г. Следовательно, оригинал перечня митрополий по Куаленовому списку был создан около 1084 г. — между возведением Атталии в ранг митрополии в 1083/84 г. и получением в Константинополе известия о смерти черниговского митрополита Неофита около 1085 г. В такой редакции ничто не препятствует предположению, что в мае 1072 г. переяславский епископ Петр, уже хиротонисанный и *metropolitae electus*, просто не получил еще утверждения своего митрополичьего сана из патриархии. Надо только обсудить одну важную тонкость, связанную со статусом новых русских митрополитов, их отношением к митрополиту киевскому, их бывшему священноначальнику.

Вопрос о церковно-юридическом положении черниговских и переяславских митрополитов второй половины XI в. в должной мере не прояснен. А. Поппэ ограничился тем, что охарактеризовал эти митрополии как титулярные, т. е., по его определению, такие, в которых митрополичий титул, в качестве отличия, дарованного императором, принадлежал не кафедре как таковой, а тому или иному ее предстоятелю индивидуально и утрачивался со смертью последнего; понятно, что митрополии такого рода не могли иметь суффраганов⁶¹. Исследователь приводит только один пример — Василейской митрополии⁶², но он неудачен, так как в случае Василея речь идет не об учрежденной на время титулярной митрополии, а об относящихся к первой половине 80-х годов XI века притязаниях бывших священноначальников Василея, митрополитов Анкиры, на восстановление своей юрисдикции над этой отделенной от Анкиры при Константине X Дуке (1059–1067)⁶³ новой митрополией. Притязания основывались не на титулярном характере Василейской митрополии, а на том, что еще не истек тридцатилетний срок, после которого, согласно канонической традиции⁶⁴, церковное нововведение приобретало необратимый характер⁶⁵. Неудачность примера еще и в том, что император не прислушался к требованиям церковных консерваторов и Василей остался митрополией. И все же напрасно Д. Г. Хрусталева считает, будто «опыт византийской истории не может дать оснований для определения термина *титулярной митрополии*» и упрекает А. Поппэ в приверженности этой якобы непонятной формуле⁶⁶. Во-первых, упреки надо бы адресовать Е. Е. Голубинскому, так как именно его мнению,

⁶¹ Поппэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в. Т. 28. С. 102; Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. S. 168.

⁶² Поппэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в. Т. 28. С. 102–103.

⁶³ Regesten des Oströmischen Reiches von 565–1453 / Bearb. von F. Dölger. München, 1995. Т. II: Regesten von 1025–1204 / 2. verbess. und erweit. Aufl. von P. Wirth. № 964, 1014.

⁶⁴ См., например, уже упомянутое 17-е правило IV вселенского (Халкидонского) собора (Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец. С. 59).

⁶⁵ Les registes des actes du Patriarcat du Constantinople. № 938.

⁶⁶ Хрусталева Д. Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. С. 34. Примеч. а.

высказанному относительно Переяславской митрополии, следует в данном случае А. Поппэ⁶⁷; во-вторых же, церковная история Византии изобилует примерами титулярных митрополий — хотя они и не вполне соответствуют определению, данному А. Поппэ.

Достаточно обратиться к тем редакциям перечней митрополий, которые снабжены одновременно списками их суффраганов, чтобы убедиться: титулярными были практически все митрополии, учрежденные после упорядочения церковной структуры при императоре Льве VI (886—912), которое было скреплено изданием соответствующего документа (так называемой *Διατυπωσις*)⁶⁸. Так, в *notitia 13*, по Ж. Даррузесу, упоминания о *всех* митрополиях — начиная с Амастридской и заканчивая митрополией во фракийском Апре, завершающей перечень, т. е. учрежденных от Романа I Лакапина до Алексея I Комнина, от первой половины X до начала XII в. — снабжены (за исключением митрополий Фиванской и Русской) примечанием, что у них «нет подчиненных кафедр» («*θρονος υποκειμενος ουκ εστι*»), или подобным⁶⁹. Иначе говоря, их предстоятели не являлись главами церковных округов (митрополий) и носили звание митрополита только в качестве почетного отличия, были *титулярными* митрополитами, но это почетное отличие принадлежало именно кафедре, а не тому или иному митрополиту.

Большое число этих новых митрополитов имели прежде ранг автокефальных архиепископов (*αρχιεπισκοποι αυτοκεφαλοι*), т. е. епископов, исключенных из системы митрополичьих округов и подчиненных непосредственно патриарху⁷⁰, так что речь и в самом деле шла исключительно о титулярной перемене. Но не в тех случаях, когда — как в Чернигове и Переяславле — новоявленный митрополит был ранее епископом, подчиненным одному из «обычных» митрополитов. Как строились отношения с прежним церковным начальством в таких условиях? Или, возвращаясь к исходному пункту наших рассуждений: если Петр Переяславский был уже рукоположен, то кем? Ответ очевиден: разумеется, киевским митрополитом. Но это означало бы подчинение переяславской кафедры юрисдикции Киевской митрополии. Здесь не было бы противоречия, если бы в Петре можно было видеть первого переяславского митрополита, однако это, вероятнее всего, не так, и его предшественником следует считать уже упоминавшегося Леон(т)а, автора антилатинского трактата об опресноках. Так и делает, в отличие от Я. Н. Щапова⁷¹, А. Поппэ, но его аргументация представляется недостаточной. Польский историк относит трактат Леон(т)а к 60-м годам XI века на том основании, что настойчивые попытки сближения с Западом, в частности с Римом, при Михаиле VII делали антилатинскую полемику в 70-е годы XI в. будто бы неуместной⁷². На необидительность такого суждения уже указывалось в литературе⁷³, но само предположение А. Поппэ, несмотря на неудачность аргументации, представляется все же правильным, на что указывает одно чисто хронологическое обстоятельство.

Едва ли Леон(т)а Переяславского уместно считать преемником Ефрема и помещать его святительство на вторую половину 90-х годов XI века⁷⁴, так как наличие особого митрополита в

⁶⁷ См., например: Голубинский Е. Е. История Русской церкви. С. 339. Примеч. 2.

⁶⁸ Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. S. 151.

⁶⁹ Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 366—369.

⁷⁰ Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. S. 67—68.

⁷¹ Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси, X—XIII вв. С. 209. Табл. 5. Исследователь исходит из своего предположения, что Переяславская митрополия возникла после святительства Петра, коль скоро последний титулуется в 1072 г. епископом. Пребывание на кафедре Леон(т)а и Николая Я. Н. Щапов относит к 70-м и 70—80-м годам XI века соответственно, не задаваясь вопросом, каковы могли быть в 80-е годы XI века, в пору единовластия Всеволода Ярославича, причины поставления Ефрема в митрополиты, более того — вступая в противоречие с собственным справедливым суждением, что после смерти киевского князя Изяслава Ярославича в 1078 г. существование новых митрополий потеряло смысл (см.: Там же. С. 61).

⁷² Porre A. Le traité des azymes Λεοντος μητροπολιτου της εν Ρωσια Πρεσθλαβας: Quand, où et par qui a-t-il été écrit? P. 519; Porre A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. S. 168; и др.

⁷³ Бибииков М. В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. С. 329; автор справедливо отмечает, что «политика глав церковных епархий, особенно достаточно отдаленных от центра империи, отнюдь не всегда вытекала из устремлений византийских василевсов».

⁷⁴ Хрусталева Д. Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. С. 41. Примеч. а. Все рассуждения автора, покоящиеся на наблюдениях над найденной в Старой Ладогe печатью некоего митрополита Леон(т)а Лаодикейского (Казанский Н. Н., Кирпичников А. Н.

Переяславле в то время пришлось бы связывать с «дуумвиратом» Святополка Изяславича Киевского (1093–1113) и Владимира Всеволодовича Переяславского (1094–1113), но такому предположению противоречит тот факт, что возглавлявший в 1105–1117 г. Переяславскую епархию Лазарь титулуется епископом⁷⁵. Следовательно, Леон(т) епископил либо до Петра, либо между Петром и Ефремом. Однако вторая из этих возможностей заставляет предполагать форменный мор на переяславской кафедре между 1072 и 1076 г.: за этот период здесь должны были бы скончаться, помимо только что поставленного Петра, еще Леон(т) и Николай, который назван перед Ефремом в качестве переяславского архиерея из числа киево-печерских иноков в послании епископа Симона Поликарпу из Киево-Печерского патерика⁷⁶ и которого трудно не отождествить с переяславским игуменом Николаем, названным в числе участников перенесения мощей в 1072 г.⁷⁷ Кроме того, не позднее 1076 г.⁷⁸ приходится датировать также поставление и самого Ефрема — ведь после смерти Святослава Ярославича в декабре 1076 г. Всеволод сидел то в Киеве, то в Чернигове (где еще был жив митрополит Неофит), так что отдельный митрополит в Переяславле князю был уже совсем не нужен. Такая хронология, конечно, не противоестественна, но крайняя сжатость делает ее и крайне маловероятной.

Итак, приходится думать, что Петр, преемник митрополита Леон(т)а и сам предназначенный в митрополиты, несмотря на это рукополагался митрополитом киевским — в данном случае Георгием. Возможно ли такое? Ведь естественно было бы представлять себе дело иначе: коль скоро Петр, как и его предшественник, предназначался Всеволодом Ярославичем в митрополиты, то, по наречении князем, ему следовало бы отправиться для утверждения и хиротонии в Константинополь. Складывается впечатление, что процедура присвоения митрополичьего титула черниговским и переяславским иерархам при Ярославичах была аналогична той, которая наблюдается позднее, в XII в., применительно к новгородским архиепископам. В деталях эта процедура остается неизвестной, но конкретный случай

Византийская митрополичья печать, найденная в Старой Ладоге // Ладога и эпоха викингов: IV чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 1998 г. Материалы к чтениям. СПб., 1998. С. 78–85; Казанский Н. Н., Кирпичников А. Н. Печать византийского митрополита из Старой Ладоги // Церковная археология. СПб., 1998. Вып. 4: Материалы III Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1848–1917), Санкт-Петербург, 1–3 ноября 1998 г. (далее — ЦА 4). С. 115–124), не могут быть приняты из-за абсолютной произвольности отождествления этого Леон(т)а Лаодикейского с Леон(т)ом Переяславским, которое основано исключительно на тождестве имен.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 291; ПСРЛ. Т. II. Стб. 280; запись о поставлении Лазаря в 1105 г. в этом отношении неясна (ПСРЛ. Т. I. Стб. 281).

⁷⁶ Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик, Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников. М., 1999. С. 21.

⁷⁷ Так в летописной редакции рассказа, где Николай назван последним в списке игуменов, открывающемся преп. Феодосием Печерским (ПСРЛ. Т. I. Стб. 181; Т. II. Стб. 171); в Сказании чудес упоминания о Николае нет. Монастыря, в котором игуменил Николай, летописец не указывает; не думаем, что то был Иоанновский монастырь, как иногда считают (Голубинский Е. Е. История Русской церкви. М., 1904. Т. 1/2. С. 303, 748; ПСРЛ. Т. I. С. 567 [втор. стб. указателя]) и как мы сами предполагали прежде (Назаренко А. В. Черниговская земля в период киевского княжения Святослава Ярославича (1073–1076) // А се его серебро: Збірник праць на пошану чл.-кор. НАН України М. Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002. С. 64). Иоанновский монастырь впервые упоминается как таковой в связи с поставлением его игумена Марка на переяславскую епископию по воле переяславского князя Ярополка Владимировича (будущего, в 1132–1139 г., князя киевского) (ПСРЛ. Т. I. Стб. 296), так что есть основания считать его китореей Ярополка, который, вероятно, носил крестильное имя Иоанн (Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. III. С. 25, 41. № 39а, 121а–г; № 333в атрибутирован Ярополку-Иоанну по недосмотру (Там же. С. 61), поскольку печать несет изображение не св. Иоанна Крестителя, как № 39а и 121а–г, а св. Иоанна Златоуста, что и отмечено в каталоге самими составителями). Если так, то в Переяславле начала 70-х годов XI века должен был существовать по крайней мере еще один другой монастырь. Поставления на епископию игуменов местных монастырей, как правило, близких князю или даже являвшихся его духовниками, было обычной практикой, и потому, чтобы оспорить (Хрусталева Д. Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. С. 41–42. Примеч. б) тождество переяславского игумена Николая и переяславского епископа Николая, действовавших в 70-е годы XI века, нужны веские аргументы. Каким образом, в представлении Д. Г. Хрусталева, переяславский епископ Николай соединяется с киевским митрополитом того же имени (упоминаемым в 1097–1101 г.), нам осталось неясным.

⁷⁸ Именно 1076, а не 1078 г. (года смерти Изяслава Ярославича и окончательного вокняжения Всеволода в Киеве), как почему-то считает А. Поппэ (Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. S. 167; Poppe A. L'organisation diocésaine de la Russie aux XIe–XIIIe siècles. P. 180; Poppe F. Werdegang der Diözesanstruktur der Kiever Metropolitankirche in den ersten drei Jahrhunderten der Christianisierung der Ostslaven. S. 263).

поставления архиепископа Илии (1165—1185), как он представлен в новгородском летописании, позволяет, кажется, реконструировать ее. Поставленный в Киеве митрополитом Иоанном IV 28 марта 1165 г., Илия вернулся в Новгород и только несколько месяцев спустя получил от митрополита разрешение на звание архиепископа⁷⁹. Почему «повелено бысть владыце архиепископство митрополитом» не сразу при рукоположении, а уже ближе к концу года (последнее видно из того, что известие о поездке в Киев юрьевского архимандрита Дионисия, привезшего Илии это «повеление», помещено в летописи в конце годовой статьи непосредственно перед заключительными словами о сильных морозах «тое же зиме»)? Вряд ли подлежит сомнению, что сразу после рукоположения в Киеве с началом навигации в Константинополь ушло ходатайство о присвоении Илии титула архиепископа, и санкция патриарха была получена с обратным посольством только осенью⁸⁰.

Таким образом, архиепископское звание предстоятеля новгородской кафедры хотя и было отличием, даровавшимся из Царьграда, но не изымало Новгород из-под власти киевского митрополита. Иными словами, Новгородская архиепископия не была архиепископией в обычном для Константинопольской патриархии смысле слова, т. е. архиепископией автокефальной. Возникает даже соблазн предположить, что канонический статус новгородских архиепископов диктовался строгим, буквальным прочтением 12-го канона Халкидонского собора, который имел весьма большое значение при спорах о церковной юрисдикции в Византии: «Дошло до нас, яко некие, вопреки церковным установлениям, прибегнув ко властям, посредством прагматических грамот, единую область на две разсекли, яко быти от сего во единой области двум митрополитам. Посему определил святыи собор, да ничто таковое творити впредь не дерзает епископ. ...Град же, который по царским грамотам почтен именован митрополией, единою честью да довольствуется — так, как и епископ, управляющий его церковью, с сохранением собственных прав истинной митрополии (т. е. той, из которой титулярная выделена. — А. Н.)»⁸¹. Действительно, титул архиепископа был для новгородского владыки «единой честью», так как «истинная митрополия» в Киеве всегда сохраняла над Новгородом «собственные права».

Прямых недвусмысленных данных относительно того, оставались ли черниговский и переяславский митрополиты в подчинении у Киева, или нет, источники не содержат. Выражение в заключении некоторых списков известного послания киевского митрополита Иоанна II (1076/77—1089) к антипапе Клименту III (1080—1100) «иже с нами святии и боголепнии митрополиты (курсив наш. — А. Н.) и игумени» («καὶ οἱ συν ἡμῖν ἀγιώτατοι καὶ θεοφιλέστατοι μητροπολίται καὶ καθήγουμενοι») ⁸², по нашему разумению, имело в виду как раз черниговского Неофита и переяславского Ефрема (послание написано около 1085 г.)⁸³. Коль скоро здесь «митрополиты» рядоположены с «игуменами» и «епископами» (имеющимися в других списках⁸⁴, но в двух упомянутых отсутствующими: возможно, обе рукописи восходят к одному оригиналу, в котором упоминание об «епископах» было пропущено), то возникает впечатление, что киевский митрополит считает этих «митрополитов» своими суффраганами. В то же время придавать решающее значение косвенным наблюдениям над текстом со сложной и неоднозначной археографической традицией, вышедшим из канцелярии киевского митрополита — лица,

⁷⁹ НПЛ. С. 31—32, 219.

⁸⁰ Никак невозможно согласиться с мнением Я. Н. Щапова, будто архиепископский титул новгородских владык присваивался киевским митрополитом самовольно и не признавался Константинополем (Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси, X—XIII вв. С. 69). Трудно найти объяснение такому конфликтному поведению поставляемых в Константинополе киевских митрополитов в течение столетий (!).

⁸¹ Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец. С. 57—58.

⁸² Послание митрополита Иоанна II / Подгот. к изд. В. И. Григоровичем // Ученые записки II Отделения Импер. Академии наук. СПб., 1854. Кн. 1. Отд. 3. С. 10; Του οσιου πατρως ημων Ιωαννου, μητροπολιτου Ρωσιας, επιστολη προς Κλημεντα, παπαν Ρωμης / Εξ απογραφου της εν Πατρω ιερας μονης Ιωαννου του Θεολογου υπ πρωτον εκδιδουτος Σ. του εξ Οικονομου. Αθηνησι, 1868. Ρ. 13.

⁸³ Поппэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в. Т. 28. С. 104—105; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 545—546.

⁸⁴ Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. С. 186. Лев. стб.; Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси, XI—XIII вв.: Исследования, тексты, комментарии. СПб., 1992. С. 35.

в данном случае явно заинтересованного, — не следует. Протесты митрополитов, из-под власти которых выделялись новые самостоятельные церковные области, — дело нередкое; наиболее яркий пример тому — уже упоминавшаяся борьба митрополитов Анкиры за возвращение себе юрисдикции над Василеем, своим бывшим суффраганом, выделенным в самостоятельную митрополию⁸⁵. Так что у киевского митрополита мог быть свой, особый, взгляд на статус черниговской и переяславской кафедр, а тем более у столь придирчивого, как Иоанн II, который, как видно по его так называемым Каноническим ответам, весьма сдержанно относился к преобразованиям в сфере церковной юрисдикции, в частности даже к открытию новых епископий⁸⁶. Не знаем, имел ли в виду патриарх Николай III Грамматики (1084—1111) притязания Иоанна II в том числе, когда в первый же год своего святительства (т. е. одновременно с посланием киевского митрополита к Клименту III) призвал императора Алексея I воздержаться впредь от создания титулярных митрополий, а из числа уже созданных упразднить те, которые не имели к тому времени за плечами как минимум 30-летнего периода существования. Призыв патриарха действия не возымел, и синод подтвердил за императором право присваивать архиереям митрополичье звание как почетный титул⁸⁷. Не следует упускать из виду и того факта, что Чернигов и Переяславль значатся в перечнях константинопольских митрополий, тогда как Новгорода в перечнях архиепископий (не только в XII, но и в XIII—XIV в.) нет⁸⁸. Это отличие было бы логично объяснить именно разницей в их каноническом положении: одни подчинялись Константинополю, а другой — Киеву.

Однако полная ясность в спорном вопросе о церковной зависимости или независимости Черниговской и Переяславской митрополий от Киевской, как ни странно, оказывается не столь уж важна при обсуждении процедуры поставления Петра Переяславского. Обратим внимание на столетием более позднее установление Исаака II Ангела, в котором император не только еще раз подтвердил свое право на создание титулярных митрополий, но и прямо оспорил 12-е правило Халкидонского собора, запретив митрополитам, из области которых выделены новые митрополии, какие бы то ни было канонические действия в отношении новых митрополитов, в том числе и практику их поставления, которое теперь должно было иметь место только в Константинополе⁸⁹. Отсюда ясно, что такая практика существовала, и рукоположение Петра Переяславского вполне могло быть одним из ее проявлений. Иначе говоря, высказанное нами в начале наших рассуждений недоумение, как совместить хиротонию Петра руками киевского митрополита с его статусом *metropolitae electus*, благополучно разрешается.

Тем самым (резюмируем), снимается еще одно возражение против датировки появления Переяславской митрополии одновременно с Черниговской — титулование Петра епископом в 1072 г.

В завершение этого сюжета отметим еще одно обстоятельство (нам уже приходилось обращаться на него внимание⁹⁰), в котором позволительно было бы усматривать положительное свидетельство тому, что Петр не был обычным епископом. При перечислении архиереев в рассказе о перенесении мощей в 1072 г. Петр поименован, как мы помним, сразу после киевского и черниговского митрополитов перед белгородским епископом Никитой, хотя белгородские владыки являлись викариями киевских митрополитов⁹¹, или, по византийской терминологии, πρωτοθρονοι (первыми по рангу среди

⁸⁵ Les registres des actes du Patriarcat du Constantinople. № 938 (протест, датируемый 1084 г.); Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. S. 73–74; Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 134.

⁸⁶ ПДРКП. СПб., 1908. Ч. 1: Памятники XI–XV вв. / [Изд. А. С. Павлов] (РИБ. Т. VI). С. 19. Ответ 32; Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований / Труд В. Н. Бенешевича. Подгот. к изд. и снабжен дополн. Ю. К. Бегуновым, И. С. Чичуровым и Я. Н. Щаповым; под общим руков. Я. Н. Щапова. София, 1987. Т. II. С. 88. Гл. 35.

⁸⁷ Regesten des Oströmischen Reiches von 565–1453. Т. II. № 1140; Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. S. 74.

⁸⁸ Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 351–352. Not. 12; 376–377. Not. 14; 384–386. Not. 15, и т. д.; более того, Новгород, в соответствии с данными древнерусских источников, прямо назван среди суффраганов Киева и в перечнях конца XII (not. 13), и XIV в. (not. 17) (Ibid. P. 367. Lin. 761; 403. Lin. 137).

⁸⁹ Regesten des Oströmischen Reiches von 565–1453. № 1613–1614.

⁹⁰ Назаренко А. В. Черниговская земля в период киевского княжения Святослава Ярославича (1073–1076). С. 64. Примеч. 33.

⁹¹ Porre A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. S. 157–160; Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси, X–XIII вв. С. 35–37.

суффраганов) Киевской митрополии⁹². Очевидно, этот не замеченный исследователями, насколько нам известно, нюанс следует понимать так, что *de facto* Петр выступал в качестве митрополита: как таковой он уже прошел княжескую инвеституру, и его кандидатура находилась на утверждении в Константинополе.

Остается разрешить еще одну, последнюю, трудность. Если митрополичьи кафедры в резиденциях Святослава и Всеволода Ярославичей возникли синхронно, то почему записи о них помещены в перечне по *Coislin. 211* не рядом, как следовало бы ожидать, а в разных местах: Чернигов значится на 72-й, а Переяславль — на 78-й позиции, будучи разделены Назианзом, Керкирой, Авид(ос)ом, Мефимной и Христиануполем («ο Βασιλαίου, ο Δριαστρας, ο Μαυροκαστρου ητοι νεας Ρωσιας, ο Ναζιανζου, ο Κερκυρων, ο Αβυδου, ο Μεθυμνης, ο Χριστιανουπολεως, [ο Πρεσθλαβης ητοι Ρωσιας], ο Λακεδαιμονος, ο Ατταλειας»)⁹³? Такая позиция Переяславля сохраняется и в других списках перечня, меняясь только с 78-й на 77-ю — естественное следствие того, что из перечня был вычеркнут Чернигов.

А. Поппэ, не вдаваясь в детали, высказал предположение, что перемещение Переяславля на 77-е место произошло постепенно — ведь звание титулярного митрополита было, по мнению историка, индивидуальным отличием отдельного архиерея, и потому соответствующая митрополия «не имела прочного места в *ordo thronorum*, а вносилась в перечень, когда обладатель кафедры удостоивался почетного титула, после же его смерти вычеркивалась»⁹⁴. Не скроем, что такая гипотеза представляется нам несколько гротескной: постоянные вычеркивания митрополий и передвижения их на другие позиции в перечнях со временем неизбежно должны были бы привести к хаосу там, где был показан строгий иерархический порядок, ибо, как правило, именно согласно этому порядку архиереи вносились в протоколы заседаний постоянного патриаршего синода (*συνόδος ἐνδημουσα*) и ставили под ними свои подписи. Но все же не исключаем такой возможности, поскольку именно в XI в. подобные случаи дарования пожизненно тому или иному архиерею (а не кафедре как таковой) митрополичьего звания, кажется, имели место⁹⁵.

И тем не менее, как мы уже говорили, титулярные митрополии в своем подавляющем большинстве возникали в результате присвоения почетного отличия кафедре, а не отдельному епископу. Поэтому предпочтительнее, по нашему мнению, выглядит другая возможность: что в истории Переяславской митрополии после Леон(т)а и до Ефрема действительно был некоторый перерыв. По крайней мере один из двух непосредственных предшественников митрополита Ефрема — Петр или Николай — мог либо скончаться, не дождавшись утверждения патриархией своего митрополичьего титула, либо (что вероятнее) по какой-то причине не получить такого утверждения. В самом деле, мы не знаем происхождения Неофита Черниговского, но в Переяславле первым митрополитом оказывается ученый грек Леон(т), а последний, Ефрем, нарочно для этой цели был выписан из византийской столицы после многолетнего пребывания в одном из цареградских монастырей; то, что он был евнухом («кажеником»), заставляет в нем видеть грека также и по происхождению. Это и понятно: традиционная линия Константинополя в отношении замещения киевской митрополичьей кафедры убедительно показывает, какое большое значение придавалось личности здешнего митрополита как своего рода византийского «посла» на Руси, на что не раз обращалось внимание в науке. А. Поппэ справедливо отметил, что назначение на киевскую кафедру митрополита Георгия (1062 г.), носившего придворный титул синкелла⁹⁶, указывает на сугубое внимание императора и патриарха к церковно-политической ситуации

⁹² Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. S. 67.

⁹³ Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 344. Lin. 72–85. Прав. стб.; в квадратных скобках вместо «ο Ρουσιου» мы поместили приблизительно реконструируемое нами первоначальное чтение; упоминание о Паронаксийской митрополии в *Coislin. 211* отсутствует.

⁹⁴ Poppe A. Werdegang der Diözesanstruktur der Kiever Metropolitankirche in den ersten drei Jahrhunderten der Christianisierung der Ostslaven. S. 263. Anm. 30.

⁹⁵ Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. S. 74.

⁹⁶ Первоначально синкеллами именовались келейники патриархов, которые со временем стали играть роль своего рода патриарших викариев, роль которых была особенно велика в сношениях патриархов с императорами; со втор. пол. X в. звание синкелла превратилось в почетный придворный титул, жаловавшийся императором избранным архиереям, так что

на Руси⁹⁷. Коль скоро и Петр, и Николай были, очевидно, русскими и их кандидатуры (во всяком случае кандидатура Николая — как настоятеля местного, быть может, княжеского, монастыря) были предложены, несомненно, Всеволодом Ярославичем, то нетрудно вообразить причины, по каким они могли бы не устроить византийскую сторону. В этом смысле кандидатура Ефрема выглядит как компромиссная, и позволительно было бы даже догадываться, что либо Петр, либо Николай, либо даже оба они, не быв утверждены Константинополем как митрополиты, оказались смещены с епископии. Такое соблазнительное допущение, к слову сказать, позволило бы одновременно пролить свет на отмеченную выше несколько тесную хронологию трех хиротоний для переяславской кафедры на пространстве 1072—1076 г.

И, наконец, завершающий штрих. Формула, с помощью которой в списке митрополий по Куаленовому кодексу поименована Черниговская митрополия — «Маврокастр, или новая Россия», — способна смутить тем, что, исходя из противопоставления «старой» «России», т. е. Киеву, не терпит рядом с собой еще и третьей «России» — Переяславля. Ведь последняя, в случае своего появления одновременно со второй, оказывается в той же мере «новой», как и Чернигов. Словом, формула «ἡ αὐτὴ Ρωσία» применительно к Чернигову наводит на мысль, что в момент учреждения Черниговской митрополии та была единственной «соперницей» Киева. Не думаем, однако, что этому обстоятельству стоит придавать большое значение. Именно вследствие логической прозрачности этой формулы в ее соотнесенности со «старой», или «просто» «Россией», по-прежнему значившейся на 60-м месте перечня, она (формула) вполне могла возникнуть под пером редактора в то время, когда в одном из протографов перечня по *Coislin. 211* произошла другая «логическая» замена — переяславской «России» на Русий; первоначально же в списке могло стоять просто «Μαυροκαστροῦ ἡτοι Ρωσίας», аналогично формуле «Πρεσκλαβα ἡτοι Ρωσία», которая, как мы видели, встречается в перечнях митрополий в отношении Переяславля.

Итак, мы не видим серьезных доводов, которые обязывали бы отказаться от гипотезы М. Д. Приселкова — А. Поппэ (назовем ее так) о связи между временным установлением митрополий в Чернигове и Переяславле во второй половине XI в. и характерным троевластием Ярославичей на Руси того времени. При этом мы имеем в виду наиболее естественный вариант этой гипотезы, согласно которому новые митрополии возникли одновременно, отражая симметричность княжеских взаимоотношений внутри «триумvirата». Высказывавшиеся иные мнения (Я. Н. Щапов, Д. Г. Хрусталев), которые, с одной стороны, исходят из признания связи между «растроением» Русской митрополии при Ярославичах и «триумvirатом», а с другой — постулируют разновременность учреждения Черниговской и Переяславской митрополий, неубедительны, потому что не объясняют в

именно в 60-е годы XI века даже была предпринята попытка (правда, неудавшаяся) обеспечить митрополитам-синкеллам реальное первенство (а не только первенство чести) перед прочими митрополитами (см. в целом: Скабаланович Н. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1898. С. 157—158; Darrouzès J. Recherches sur les ΟΦΦΙΚΙΑ de l'église byzantine. Paris, 1970. P. 17—19). Титул синкелла применительно к митрополиту Георгию засвидетельствован надписями на его печатях (4 экз. двух изводов) (Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. I: Печати X — начала XIII в.; Янин В. Л., Гайдюков П. Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. № 43—43 а).

⁹⁷ Поппэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в. Т. 28. С. 103. Возможно, это усиленное внимание возникает не ок. 1060 г., а ранее, сразу после смерти Ярослава Мудрого, так как поставленный в это время (ок. 1055 г.) митрополит Ефрем также носил придворный титул протопроедра (Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. № 42) — не вполне, впрочем, понятный: считается, что речь идет о риторически-торжественном варианте титула синкелла, возникшем из оборота «протопроедр протосинкеллов» (протопροεδρος τῶν πρωτοσυγκελλῶν) (Laurent V. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. Paris, 1963. Т. V: L'église. Partie 1: L'église de Constantinople, A: La hiérarchie. P. 148), хотя в данном случае, в отношении митрополитов Ефрема и его преемника Георгия, такое предположение плохо согласуется с естественным мнением, что формулы типа «протопроедр протосинкеллов», раз возникнув, вытесняют первоначальный вариант «синкелл» (Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. S. 68—69). Не следует ли задуматься о возможности атрибуции митрополичьей печати с именем Ефрема не Ефрему Киевскому, а Ефрему Переяславскому? Во всяком случае эта була пропущена в обзоре: Купранис А. А. Датированные печати иерархов Русской церкви (домонгольский период) // ЦА 4. С. 153—168, из чего приходится делать вывод, что автор сомневается в ее атрибуции В. Л. Яниним киевскому митрополиту середины XI столетия; см. также соображения в пользу атрибуции Ефрему Переяславскому: Хрусталев Д. Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. С. 307—325.

полной мере, как, когда и почему эти митрополии были открыты. В предположении же синхронности их учреждения, удовлетворительное решение вопроса отыскивается без особого труда.

Последовательность перечисления кафедр в *notitiae episcopatum* (Чернигов назван между митрополиями в Василее и Дристре, с одной стороны, и митрополией в Назианзе — с другой) позволяет установить, что Черниговская епископия получила статус митрополии между 1059 и 1071 г.⁹⁸ Действительно, Василейскую митрополию учредил император Константин X (1059—1067), а Назианзскую — его преемник Роман III Диоген (1068—1071)⁹⁹. Тем самым выясняется важное обстоятельство: новые митрополии возникли отнюдь не сразу после 1054 г., хотя «триумвират» Изяслава, Святослава и Всеволода в качестве политико-династической структуры, наряду с сеньоратом (старейшинством) Изяслава, был установлен, как можно думать, уже в 1054 г. завещанием Ярослава Мудрого¹⁰⁰. Стало быть, открытие митрополичьих кафедр в резиденциях Святослава и Всеволода явилось следствием каких-то перемен в отношениях между тремя старшими Ярославичами. Такие перемены наступили к 1060 г., после того как друг за другом умерли двое младших сыновей Ярослава: в 1057 г. — Вячеслав, в 1060 — Игорь¹⁰¹.

Именно к этому времени, вскоре после 1060 г., склонен относить открытие Черниговской и Переяславской митрополий А. Поппэ, допуская, что произошло это не совсем одновременно. Однако историк связывает такие нововведения в церковной структуре Руси не с эволюцией «триумвирата», а с инициативой Константинополя. В 1060 г. Ярославичи совместными усилиями одержали решительную победу над торками¹⁰² (огузами), которая была будто бы столь важна для Византии, что в надежде на будущее сотрудничество против степняков и в целях лучшей организации такого сотрудничества император решил организовать при дворах черниговского и переяславского князей своего рода «посольства» в виде соответствующих титулярных митрополий¹⁰³.

Эта мысль не представляется удачной. Вся последующая история византийской политики в сходных ситуациях показывает, что в Константинополе всегда шли на раздел Русской митрополии крайне неохотно и только под сильным внешним давлением¹⁰⁴. Далее, политика Византийской империи в отношении степи во многом сводилась не столько к военному отпору кочевникам, сколько к тому, чтобы направить их набеги прочь от границ империи. И в этом смысле совместная победа русских князей над торками, в результате которой последние переместили свою активность на Дунай¹⁰⁵, никак не могла вызвать признательности в Византии¹⁰⁶. Наконец, надо иметь в виду еще один важный момент, который, несмотря на свою очевидность, выпадал из поля зрения исследователей: сужение власти

⁹⁸ Поппэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в. Т. 28. С. 98—101; Poppe A. Werdegang der Diözesanstruktur der Kiever Metropolitankirche in den ersten drei Jahrhunderten der Christianisierung der Ostslaven. S. 263. Anm. 29; эту датировку А. Поппэ паринял и Я. Н. Цшапов (Цшапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси, X—XIII вв. С. 58).

⁹⁹ Regesten des Oströmischen Reiches von 565—1453. № 964, 974, 1014; Les registres des actes du Patriarcat du Constantinople. № 899, 904, 938.

¹⁰⁰ Наш взгляд на «триумвират» в рамках политико-династической системы Древней Руси изложен в работе: Назаренко А. В. «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии // Сословия, институты и государственная власть в России (средние века и раннее новое время): Сб. статей к 100-летию со дня рождения акад. Л. В. Черепнина. М., 2007 (в печати).

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 162—163; Т. II. Стб. 151.

¹⁰² ПСРЛ. Т. I. Стб. 163; Т. II. Стб. 151—152.

¹⁰³ Поппэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в. Т. 28. С. 103—104; Poppe A. Werdegang der Diözesanstruktur der Kiever Metropolitankirche in den ersten drei Jahrhunderten der Christianisierung der Ostslaven. S. 262.

¹⁰⁴ Около 1163 г. в открытии митрополии во Владимире было, как доподлинно известно, отказано владими́ро-суздальскому князю Андрею Юрьевичу Боголюбскому (сохранилось соответствующее послание к князю константинопольского патриарха Луки Хрисоверга: ПСРЛ. Т. IX. С. 223—224; Макарий (Булаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. 2. С. 581—582). Хорошей иллюстрацией может служить также история Галицкой и Литовской митрополий в XIV столетии, которые, под влиянием политических угроз и денег, то открывались, то вскоре снова закрывались как неуместные новизны (см., например: Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. Париж, 1959. Т. I. С. 297—298, 313—323).

¹⁰⁵ Васильевский В. Г. Византия и печенеги // Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1908. Т. I. С. 26—29; Пащито В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 81, 110.

¹⁰⁶ На это обстоятельство уже обращалось внимание: Хрусталев А. Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. С. 36.

киевского митрополита противоречило интересам не только византийских властей, но прежде всего интересам киевского князя-сеньора. Ведь в результате тот лишался в лице киевских митрополитов чрезвычайно существенного инструмента политического влияния в общерусском масштабе.

Итак, расчленение Русской митрополии в 60-е годы XI века должно было, с нашей точки зрения, произойти по инициативе русской стороны, и не просто русской — а именно Чернигова и Переяславля, и не просто по инициативе — а под их давлением. Это, в свою очередь, заставляет думать, что такое расчленение случилось в ситуации, когда и Константинополь, и Киев (в лице Изяслава Ярославича) были недостаточно сильны для того, чтобы воспротивиться давлению. В течение 60-х годов XI века подобная ситуация действительно имела место — после возвращения Изяслава Ярославича на киевский стол в мае 1069 г.¹⁰⁷

Бежав осенью предыдущего года из столицы Руси в результате мятежа киевлян, приведшего на киевский стол полоцкого князя Всеслава Брючиславича, Изяслав возвращался с польским войском во главе с самим польским князем Болеславом II (1058–1079), который приходился Изяславу одновременно и двоюродным братом, и племянником жены¹⁰⁸. Даже если не принимать рискованной гипотезы В. А. Кучкина, будто в течение семимесячного отсутствия Изяслава на Руси Святослав и Всеволод заключили со Всеславом договор о переделе волостей¹⁰⁹, все равно не подлежит сомнению, что возвращение Изяслава в Киев сопровождалось ростом напряженности в отношениях между Ярославичами. Летописец о многом умалчивает, но и сказанного им достаточно, чтобы понять, что прежние отношения между Ярославичами не были восстановлены. Так, например, Изяслав не получил назад Новгорода, которым владел до 1067 г. — его теперь удерживал Святослав, посадив там сына Глеба¹¹⁰. Весь краткий период второго княжения Изяслава в Киеве, 1069–1073 г., наполнен приготовлениями к схватке¹¹¹, которая разразилась в марте 1073 г. и вылилась в новое изгнание Изяслава¹¹².

Несомненно, в 1069 г. произошла коренная перестройка отношений между Ярославичами; того сеньората-старейшинства Изяслава Киевского, каким он был завещан Ярославом Мудрым и в том или ином виде существовал в 1054–1067 г., уже не было. Из средства дополнительной стабилизации сеньората¹¹³ «триумвират» превратился в определяющую черту политико-династического строя, которая в глазах младших «триумвиров» предполагала их паритет (по крайней мере формальный) с киевским князем. Результатом и стала идея об открытии отдельных митрополий в Чернигове и Переяславле, которое мы, таким образом, предпочитаем датировать 1069–1070 г.

Итак, в свете изложенных соображений история титулярных Черниговской и Переяславской митрополий рисуется нам следующим образом.

Их учреждение относится к 60 годам XI века, когда происходит принципиальная перестройка политико-династических взаимоотношений между тремя Ярославичами, а скорее всего, с нашей точки зрения, — к 1069–1070 г., когда имел место очевидный кризис сеньората киевского князя Изяслава Ярославича. Первым и последним черниговским митрополитом был Неофит, скончавшийся около 1085 г. Череду переяславских митрополитов открыл грек Леон(т), автор антилатинского трактата об опресноках; он скончался, вероятно, зимой 1071–1072 г. или весной 1072 г., коль скоро в мае 1072 г. переяславскую кафедру возглавлял уже Петр. Святительство Петра и его преемника Николая также было кратким,

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 174; ПСРЛ. Т. II. Стб. 162–163.

¹⁰⁸ Шавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI): Текст, перевод, комментарий / Под общей ред. и с дополн. А. В. Назаренко. М., 2004 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). С. 392. Комментарий. 146 (комментарий А. В. Назаренко).

¹⁰⁹ Кучкин В. А. «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века // Вопросы истории. М., 1985. № 11. С. 19–35.

¹¹⁰ НПЛ. С. 17.

¹¹¹ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 506–539.

¹¹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 182–183; Т. II. Стб. 172–173.

¹¹³ Назаренко А. В. «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии.

потому что поставление Ефрема необходимо датировать не позднее 1076 г.; можно предполагать, что либо кандидатура Петра, либо Николая (а может быть, и того, и другого) в митрополиты не смогла пройти утверждения в Константинополе, ибо в перечне митрополий 80-х годов XI века Переяславская митрополия обозначена не рядом с Черниговской, на 73-м месте, а существенно ниже, под № 77, что предполагает ее возобновление после известного перерыва. Весь достаточно долгий период святительства Ефрема (оно завершилось в 90-е годы XI века) Переяславская митрополия была уже анахронизмом, так как причины для ее существования исчезли со смертью киевского князя Святослава в декабре 1076 г., после чего Переяславль уже никогда не был стольным городом Всеволода.

Некоторую проблему представляет датировка окончания святительства Ефрема. В Лаврентьевской летописи под 1222 г. упоминается епископ Ефрем, строитель Успенского собора в Суздале: владимиросуздалский князь Юрий Всеволодович возобновляет старый собор, который начал «руштитисл старостью... та бо цркы создана прадѣдом кю Володимером Мономахом и блженым епѣмом Ефрѣмом»¹¹⁴. Так как Суздаль 90-х годов XI века входил в Переяславскую епархию, о чем достаточно свидетельствует упоминание Ефрема Переяславского в Повести временных лет под 1096 г.¹¹⁵, то вряд ли приходится сомневаться в том, что епископ Ефрем, современник Владимира Всеволодовича Мономаха, упоминаемый в статье 1222 г., тождествен переяславскому митрополиту Ефрему. А. Поппэ делает на основании этих данных внешне естественный вывод, что каменный Успенский собор в Суздале был поставлен Владимиром Мономахом и митрополитом Ефремом после 1096 г., а Ефрем умер около 1100 г.¹¹⁶ Однако наблюдение польского историка, что о Ефреме в статье 1096 г. сообщается «с непосредственностью, проявляемой обычно автором, пишущим о живых и хорошо знакомых лицах», очень трудно принять в качестве четко датирующего аргумента. Но что еще важнее, известие 20-х годов XIII века о постройке суздальского собора Владимиром Мономахом и Ефремом вступает в прямое противоречие с рассказом Киево-Печерского патерика, которого А. Поппэ не учитывает и который приписывает строительство сыну Мономаха ростово-суздальскому князю Юрию Долгорукому: «И въ свое княжене христолубецъ Володимеръ, взем мѣру божественна тоа церкве Печерское, всѣм подобием созда церковь во градѣ Ростовѣ... Сынъ же того Егоргий князь... и тѣ в своем княжении созда церковь во градѣ Суждалѣ в ту же мѣру, яже по лѣтех всѣ ты распадоса»¹¹⁷. При необходимости выбирать между летописным и патериковым свидетельствами, которые оба являются ретроспективными, предпочтение, по нашему мнению, надо отдать последнему. Очень сомнительно, чтобы в Суздале при Мономахе существовал каменный собор, тогда как кафедрал в Ростове, центре епархии и Ростовской земли в то время, оставался деревянным¹¹⁸. Возвышение Суздаля связано с перенесением туда из Ростова столицы княжества, которое случилось именно при Юрии Владимировиче Долгоруком. Поэтому возведение в Суздале каменного кафедрального собора, копировавшего ростовский, естественно относить к правлению Юрия, а не к переяславскому княжению его отца Владимира Мономаха, при котором Суздаль не играл заметной политической роли.

Следовательно, нет оснований считать, что митрополит Ефрем был еще жив в 1096 г.¹¹⁹ Мы склонны относить его кончину к 1091 или 1092 г., так как это давало бы возможность более или менее естественно объяснить титулатуру «князь всея Руси», которая зафиксирована в надписи на одной из печатей киевского князя Всеволода Ярославича¹²⁰.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 445.

¹¹⁵ «Влеж же повелѣ зажещи Суждалъ город, токмо встасл дворъ монастырьскыи Печерьскаго монастыря и цркы, яже тамо есть святаг Дмитрея, юже бѣ дал Ефрѣмъ и с селы» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 238).

¹¹⁶ Поппэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в. Т. 28. С. 107.

¹¹⁷ Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик, Волоколамский патерик. С. 16.

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 230.

¹¹⁹ Соображения Д. Г. Хрусталева, на основании которых историк склонен датировать кончину митрополита Ефрема не позднее 1100 г. (Хрусталева Д. Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. С. 97–102), представляются нам тем, что по-немецки именуется *Überinterpretation* — попыткой выжать из источников больше, чем они могут дать.

¹²⁰ См. подробнее: Назаренко А. В. «Новороссия», «Великороссия» и «вся Русь» в XII в. // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2007. Т. V (в печати).